

Петр АЛЕШКИН

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ: ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

*Статья посвящена осмыслению эксперимента, связанного с построением нового общества в Советской России посредством модели военного коммунизма. Автор рассматривает политику военного коммунизма как практическую попытку применения идей ортодоксального марксизма в России и обосновывает причины ее провала.
The article is devoted to understanding the experiment, associated with the construction of a new society in Soviet Russia by means of the model of war communism. The author examines the policy of war communism as a practical attempt to apply the ideas of orthodox Marxism in Russia and substantiates the reasons for its failure.*

Ключевые слова:

крестьянство, власть, модернизация, марксизм, политика военного коммунизма; peasantry, authority, modernization, Marxism, policy of war communism.

С приходом к власти партии большевиков в России связана своеобразная модернизация (переход от традиционного общества к современному) на основе марксистских идей. В большевистском понимании грядущего социализма центральное место занимали установки на всеобщую национализацию и обобществление средств производства, огосударствление экономики, централизованное государственное распределение материальных благ.

Теория западных марксистов обрела практическое применение в Советской России. Но имело место и существенное отличие: создавать коммунистическое производство и распределение предстояло в крестьянской стране. В России, в отличие от передовых западноевропейских стран, большинство сельского населения не было наемными рабочими (сельским пролетариатом, по терминологии Ф. Энгельса) — они были мелкими производителями. Суть трансформационного перехода к новому обществу для руководителей большевистской партии оставалась неясной. Примечательно, что сам термин «военный коммунизм» впервые был употреблен В.И. Лениным в апреле 1921 г. (то есть тогда, когда от этой политики большевики отказались).

В современной историографии выделяются три трактовки военного коммунизма: традиционалистская, плюралистическая и нонконформистская. Традиционалисты воспринимают военный коммунизм как экономическую программу существования России в условиях кризиса, порожденного Первой мировой и Гражданской войнами, революциями 1917 г., интервенцией иностранных держав и блокадой. Утверждая тезис о вынужденности военного коммунизма данными чрезвычайными обстоятельствами, традиционалисты отвергают какую-либо связь политики военного коммунизма с теоретическими разработками учения марксизма. Плюралисты допускают совмещение вынужденности военного коммунизма обстоятельствами и обусловленности идеологией марксизма. Нонконформизм основан на идее о том, что военный коммунизм есть не что иное, как реализация большевистских идей на практике¹. Приведенная классификация весьма условна. Название третьего направления (нонконформизм, созвучный ревизионизму) представляется неудачным, маргинальным, поскольку ассоциируется с крайним радикализмом. Оно противопоставляется сталинскому

АЛЕШКИН

Петр

Федорович —

к.и.н., член Союза писателей России, главный редактор журнала «Наша молодежь»

aleshkin@list.ru

¹ См.: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». ч. 2 // Власть, 2011, № 9, с. 174.

традиционализму: трактовка, названная традиционалистской, изначально является сталинской трактовкой, принятой советской историографией.

Один из ключевых вопросов любой модернизации — ее субъект. Кто должен был стать социальной основой большевистской модернизации? В условиях Советской России десятки миллионов людей, вовлеченные в революционный процесс, имели возможность получить новый социальный статус, ощущали психологическую причастность к революционным свершениям, приобрели уверенность к созданию первого в мире справедливого общественного устройства. В крестьянском сознании с центральной властью связывались надежды сакрального свойства (в крестьянских избах портрет Ленина нередко располагался среди икон), в то время как административные перегибы и жестокость воспринимались как проявления произвола со стороны местной власти.

Диктатура пролетариата, рассматривавшаяся как форма перехода от капитализма к социализму, предполагала, по Ленину, условие: она допустима, когда пролетариат составляет большинство населения¹. В отличие от индустриально развитых капиталистических стран Запада, где крестьянство занимало незначительную долю в структуре населения, Россия являлась аграрной страной с 80% крестьянского населения. Ленин нашел, как ему представлялось, выход из подобной теоретической коллизии. Беднейшее крестьянство получило статус «полупролетариев» (в ленинском лексиконе использовались термины-синонимы: «беднейшее крестьянство или полупролетарии»). Под полупролетариями понимались те, кто существовал в основном за счет продажи своей рабочей силы. В политическом контексте полупролетариат определялся как «эксплуатируемые и трудящиеся».

По расчетам Ленина, осенью 1919 г. общественная структура включала в себя 20% пролетариата, 75% мелкой буржуазии (в т.ч. 30% бедных крестьян, 30% — средних, 15% — богатых), 5% капиталистов. Из этих данных выводилось требуемое, по Ленину, «большинство»: 20% (пролетариат) + 30% (беднота, т.е. «полупролетарии») + дополнительно 15,5% (веро-

ятно, сторонники или сочувствующие из категории средних крестьян). Вот в таком арифметическом раскладе Ленин усматривал, по его словам, новое и существенное, в противовес оппонентам, которые, по ленинской терминологии, «жуют зады» о «пролетариате вообще». «Пролетариата вообще», утверждал Ленин, в действительности не существует, есть реальный показатель в конкретной ситуации: по ленинской логике, сила 51% пролетариата (т.е. большинства арифметического) на практике может оказаться слабее коллективной мощи 20% пролетариата (с учетом полупролетариев и сочувствующих), если 51% пролетариата окажется подвержен буржуазному влиянию. Чтобы этого не допустить, марксистская формула «нейтрализации крестьянства» получила применение в России в виде политики «соглашения со средним крестьянством»².

Таким образом, диктатура пролетариата при поддержке полупролетариата, по ленинской схеме, имела основание для начала созидания основ коммунистического общества. Теоретический компромисс большевизма с марксизмом был найден. Однако в ленинском расчете не принималось во внимание, что 20% пролетариата, механически зачисленные без оговорок в основу «большинства», сами по себе являлись разнородной массой, далекой от единого и сознательного социалистического класса.

Марксистский социализм предполагал уничтожение различия между рабочим и крестьянином — требовалось сделать всех работниками. В применении к крестьянской России реализация марксистской установки виделась Ленину в разграничении крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника — этим разделением определялась суть социализма³. Путь уничтожения собственника подсказал опыт капитализма: Маркс детально объяснил механизм отделения производителя от средств производства на основе экспроприации земледельцев. Экспроприация крестьян в России началась с фактической национализации земли в 1918 г. С последующим развитием пролетарской революции в деревне (по схеме Ленина) экспроприация распространялась на орудия труда. Ленин пред-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 453.

² Там же, т. 39, с. 454, 458; т. 37, с. 45, 478.

³ Там же, т. 39, с. 277.

упреждал: в процессе развития пролетарской революции в деревне нельзя полностью экспроприировать собственность богатого крестьянина (в данном случае имелся в виду экономический момент). Предлагалось его ограничивать, вытеснять всеми доступными методами (здесь речь шла о политическом подходе). Но из-за нестыковки экономического и политического факторов непонятен пограничный предел экспроприации: ведь ее объектом являлся классовый враг пролетариата и полупролетариата — кулак, представитель деревенской буржуазии.

Ленин рассматривал класс мелких земледельцев как последний капиталистический класс, который, однако, нельзя экспроприировать или «прогнать», как помещиков. В августе 1919 г. он сформулировал тезис: социализм есть уничтожение крестьянства как класса — крестьянин становится работником¹.

Следует отметить, что термин «мелкая буржуазия» в отношении большинства российских крестьян не соответствовал реалиям мелкого крестьянского хозяйствования: основная деятельность крестьянских хозяйств (в отличие от западного «мелкого буржуа») не ориентировалась на рынок. С точки зрения западных социалистов, крестьяне — за исключением безземельных батраков — составляли часть «буржуазии» и являлись, как таковые, классовым врагом пролетариата. Российская деревня превратилась более чем в 20 млн крестьянских хозяйств, ориентированных лишь на самопропитание.

Отношение большевиков к мелкобуржуазным собственникам определялось как отношение войны, в результате которой мелкий собственник должен быть уничтожен. Это положение составляло основу диктатуры пролетариата. По логике большевиков, крестьянин, имевший излишки хлеба, обязан был осознать, что выращенный его трудом хлеб, по классовой логике Ленина, во-первых, собран с общегосударственной земли (основание — государственная монополия на хлеб!), во-вторых, при помощи орудий, в создание которых вложен труд рабочего².

Еще одно марксистское основание оказалось применимо к российской действительности: деление крестьянства на мел-

кое, среднее и крупное (Энгельс сделал такую дифференциацию на основе анализа крестьянского вопроса во Франции и Германии). В отношении к крупному крестьянству западноевропейские марксисты допускали насилие (но далеко не всегда!). Насилия в отношении среднего крестьянства никто из марксистов не требовал. Теоретическую посылку марксизма о делении крестьянства на три группы Ленин трансформировал в политическую плоскость, обосновывая неизбежность, по его словам, гражданской войны с кулаками. В Советской России кулак был объявлен открытым врагом, против которого можно использовать одно оружие — насилие.

В марте 1919 г. тактика поменялась на «союз» со средним крестьянством. К концу противоборства с белыми кулак стал явлением редким для деревни: часть ушла с белыми, другая была уничтожена. В условиях политики военного коммунизма бывшие зажиточные крестьяне потеряли значительную долю собственности и материального состояния. Критерий для определения кулака разработан не был. Создание мифа о многочисленном и сильном классе «кулаков» имело политическую подоплеку. Механизм машины военного коммунизма по сути своей работал на собственную самоликвидацию. Могли середняк считать себя союзником пролетариата, о чем объявила власть на VIII съезде большевистской партии в марте 1919 г.? Тем более, когда объявлен «крестьянский поход за хлебом»? Владельцы хлеба, имевшие излишки и не вывозившие их на ссыпные пункты, причислялись к врагам народа, подлежали суду и заключению, конфискации всего имущества³.

В результате политика военного коммунизма привела к тому, что в период ее апогея в 1920 г. зерна собирали менее 30% уровня дореволюционного (довоенного) времени. В 1921 г. разразился голод, затронувший значительную территорию страны.

Эксперимент, связанный с построением нового общества в Советской России при помощи модели военного коммунизма, провалился. Применение ортодоксального марксизма к реалиям крестьянской страны носило утопический характер.

¹ Там же, т. 39, с. 449; т. 44, с. 6, 41.

² Там же, т. 39, с. 278.

³ Там же, т. 36, с. 410, 318.